

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 14-го Апрѣля 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11357.

ДВѢ НОЧИ.

Двѣ великия, незабываемыя ночи по-
мнитъ старый Гѳѳсиманскій садъ.

Первая—ночь передъ Подвигомъ,
передъ Страданіемъ, ночь съ четвер-
га на пятницу.

Томительная, безконечно - долгая,
жуткая ночь.

Ночь, полная горестныхъ предчув-
ствій, жуткой, смертельной тоски
передъ грядущимъ Подвигомъ.

Только что совершилась послѣдняя
вечерня съ двѣнадцатью избранными,
любимыми, близкими.

Только что закончилась послѣдняя
бесѣда съ ними, въ которой Онъ из-
лилъ Свою душу, всю безконечную
любовь,—и къ нимъ, близкимъ, из-
браннымъ, и ко всѣму человѣчеству.

Увы! Одинъ изъ двѣнадцати ушелъ,
не дослушавъ Его бесѣды. Ушелъ къ
врагамъ, чтобы предать Его.

Не покинутъ ли и эти, оставшіеся,
въ послѣдній часъ?

Дрогнула увѣренность и въ ихъ
преданность, этихъ одиннадцати.

Вѣтъ только трое изъ нихъ, са-
мыхъ близкихъ, любимыхъ друзей,
наперсниковъ... Ужели и эти поки-
нутъ? Вѣдь, недавно одинъ изъ нихъ
съ клятвой сбѣщалъ, что не поки-
нетъ, хотя бы грозила смерть.

И беретъ ихъ съ Собою, пламен-
наго Петра, спокойно-мудрого Іакова
нѣжнаго Іоанна,—и проситъ:

— Побудьте здѣсь со мною. Раз-
дѣлите со Мною эти жуткіе, скорбные
часы.

Увы! и эти трое чужды той муки,
которой терзается Его сердце. И они
не раздѣлили Его скорбной тоски.

Отяжелѣвшія вѣки смыкаются у нихъ,
какъ у дѣтей. Уснули! Не могли и ча-
са поборговать съ Учителемъ.

— „Погажу Пастыря и разсѣются
свѣты“... Разсѣются и эти!

И въ смертной тоскѣ Онъ шепчетъ
Отцу небесному:

— Если возможно, да минуетъ Ме-
ня чаша сія.

А тамъ, вдали, между темными гро-
мадами деревьевъ, уже показались
зловѣщіе огни факеловъ.

Идетъ предатель!

— Встаньте, приблизился преда-
ющій Меня.

Встали—и въ страхѣ бѣжали, по-
кинувъ своего Учителя...

Бѣжалъ и тотъ, кто клялся уме-
реть вмѣстѣ съ Учителемъ.

Одинокаго, всѣми покинутаго, вле-
гутъ Агнца на закланіе.

Страшная ночь!

Ночь, поражающая душу тоскою,
ужасомъ болью.

И жгучимъ стыдомъ передъ мало-
душіемъ и предательствомъ человѣ-
ческимъ.

* * *

Другая ночь—послѣ Подвига.

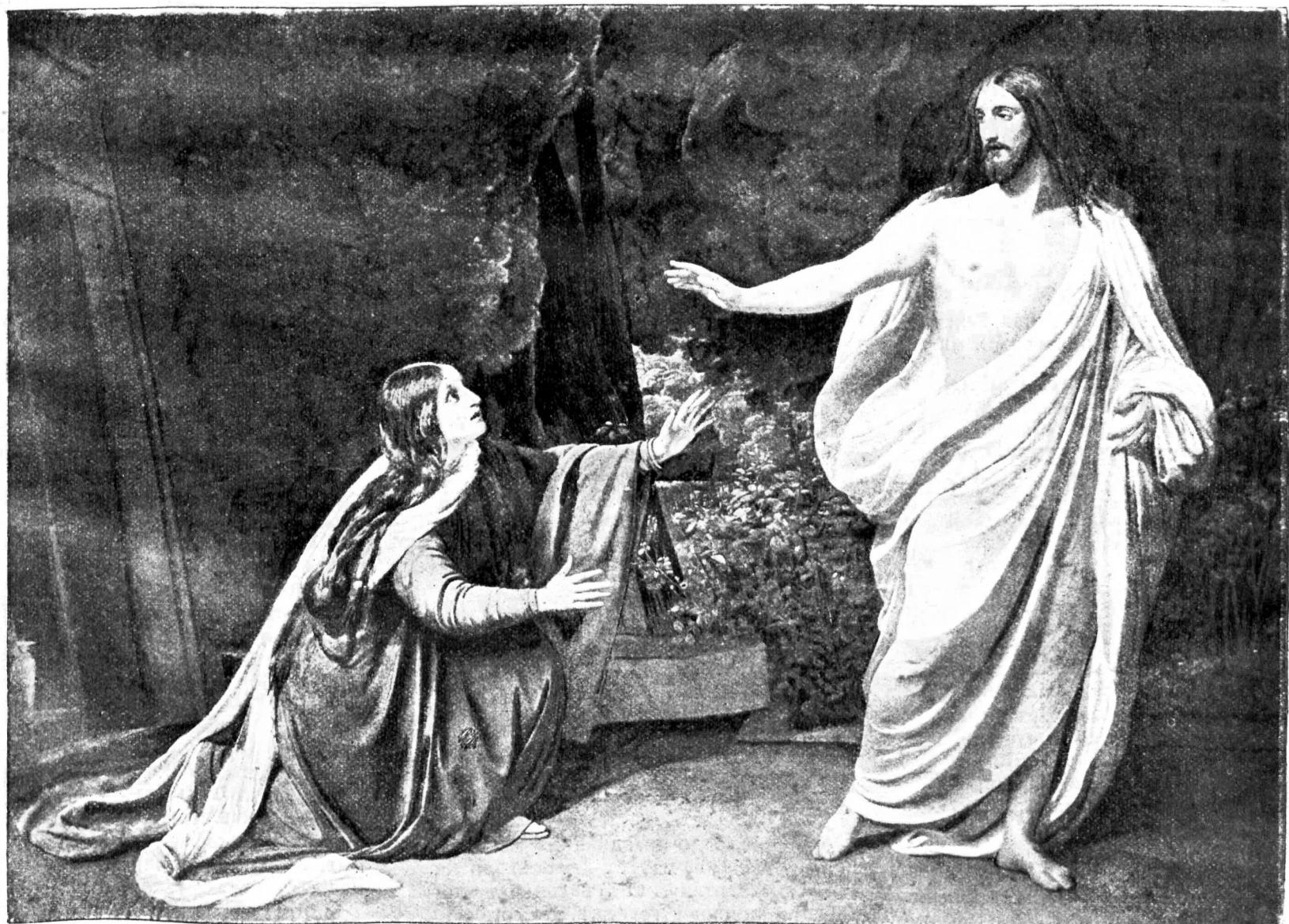
Ночь свѣтозарная, свѣтоносная, вся
осиянная блескомъ вѣчной радости, не
изреченаго всемирного торжества!

Тамъ, гдѣ спали недавно усталые
апостолы, спать въ тяжеломъ вору-
женіи легіонеры.

Стерегутъ запечатанный гробъ, вѣч-
ной жизни.

Безумцы! Развѣ жизнь можно пахо-
ронить, запечатать, истребить?

Сотрясаетъ земля, безсильная удер-
жать въ своихъ нѣдрахъ Жизнеда-
ца. Свѣтлый и радостный слетаетъ съ

Христосъ и Магдалина.

Карт. А. Иванова.

неба ангель.
Огвальается камень отъ дверей гроба.

И въ славѣ, и блескѣ завершеннаго полвига встаетъ Христосъ.

— Радуйтесь! — встрѣчаетъ Онъ женщины, несущихъ ко гробу ароматы любви, жалость, благоговѣйной преданности.

— Радуйтесь! —несутъ женщины сладкую вѣсть плачущимъ и рыдающимъ апостоламъ.

— Радуйтесь! —посели въ мірѣ радостное благоговѣстіе апостолы.

И въ мірѣ зажгли свѣтлой радостью воскресенія.

О, великая, Святая Ночь!

Ночь, сверкающая въ сторгомъ и радостью завершеннаго увѣнчанія го Подвига.

Ночь, лъюща въ каждое сердце, скорбное, унывающее, истерянное и огчаивающееся, сладкую вѣру отраду, обѣдреніе.

И въ свѣтломъ торжествѣ этой Святой Ночи, подаренной миру старой Геѳсиманіей, безъ слѣда тонетъ горечь первой ночи, принесенной миру той же Геѳсиманіей.

Свящ. К. —й.

ВЕСНА.

У весны много пѣсень прелестныхъ, У весны много пестрыхъ цветовъ, Мотыльковъ и бужашекъ чудесныхъ И душитыхъ, цветущихъ кустовъ. У весны вѣчно-чистая радость, У весны — чудно свѣтлый нарядъ, Поцѣлуя невиннаго сладость, Дней счастливыхъ линующій рядъ. У весны я не знаю печалей, У весны только счастья мечты, Перламутровый блескъ нѣжныхъ далей, И луга, и лѣса, и цветы... У весны яркихъ звѣздъ хороводы, У весны — синий бархатъ небесъ И прозрачныя, чистыя воды...

Благовѣщеніе.

карт. Фра Филиппо Липпи.

О, весна, вся полна ты чудесъ!
У весны въ Божью ночь Воскресенія
Расцвѣтаешь волшебный цвѣтокъ,
Это символъ грѣховъ искупленія,
Что унесъ чистой крови потокъ.
У весны этой ночью святою
Раздается стъ земли и съ небесъ
Гимнъ, звучащий одной красотою:
Богъ воскресъ, Богъ воскресъ, Богъ
воскресъ!

О. Малиновская.

МАРЬЯ САВВИШНА.

(Набросокъ карандашомъ).

Нездолго до праздниковъ мы — я и товарищъ Пономаревъ — перѣѣхали на новую квартиру. О праздникахъ дома, въ родномъ городѣ, нѣльзя было и мечтать — надвигались экзамены.

Наконецъ мы дѣлѣ вебольшія комнатки въ четвертомъ этажѣ, и, когда прибы-

ли на новое мѣсто, насы вѣго-тила сама хозяйка — полная, высокая старуха съ бѣлымъ кружевомъ вокругъ шеи и черной косынкой на сѣдыхъ волосахъ. Лицо желтое, сморщенное, но глаза живые, энергичные, а на правой щекѣ три пушистыхъ бородавки, которые придавали старухѣ како то воинственный видъ.

Никогда не забуду я милую Марью Саввишну!

Сухо поздравившись и получивъ деньги, она спросила:

— Чего это вздумали подъ праздникъ переѣхать? Вѣроятно, шумы разводите, — пиво, товарищи, пѣсни?

— Да нѣть, скоро экзамены. Теперь никакихъ шумовъ, засмѣялся Пономаревъ.

— Такъ. Марья Саввишна обрадилась ко мнѣ:

— Вы худой и костлявой. Я вамъ поставила кровать полуше и матрацъ мягче. Ну, а вашъ товарищъ — косая сажень не осудите, по справедливости.

Пономаревъ расхохотался.

— Хохотунъ вы большой, строго заявила Марья Саввишна. — По лицу видно, что любите рассказывать анекдоты. Такъ вотъ, не мѣшайте товарищу.

Затѣмъ она осмотрѣла наши комнаты внимательнымъ взглядомъ и скомандовала:

— Устраивайтесь. И умойтесь. Пришли вамъ воды.

Удалилась, хлопнувъ дверью.

— Попали мы въ опеку, — воскликнула Пономаревъ.

— Не старуха, а солдатъ, — замѣтилъ я. — И главное, сразу тебя опредѣлилъ анекдотистъ.

Марья Саввишна жила одиноко. Прислуга да двѣ собаки, если не считать нѣсколькихъ пѣвчихъ птицъ.

Только въ воскресеніе ей комната неоживлялась. Приходили двѣ старушки покофейничать. Худая, черная; въ платочкахъ просфорки. Церковныхъ запахомъ отъ нихъ вѣяло.

Потомъ слышали мы изъ столовой тягучие разговоры. Голоса старухъ звучали таинственно и важно, точно онѣ собирались на заговоръ. Сама Марья

Христосъ у Мары и Маріи.

Карт. Семирадского

свѣжѣеть. А мы съ Настюшкой быстро управляемся.

Когда мы вернулись, все въ комнатахъ такъ и сяло. Свѣжія занавѣсочки повѣсили намъ на окна, на комодъ — расширеніе плютенце; въ обѣихъ комнатахъ лампады горятъ.

Вдругъ Пономаревъ расхохотался:

— Слушай! —крикнулъ онъ мнѣ.— Со стѣнъ исчезла моя Диана-охотница! Ловко!

Бросился къ Марѣ Саввишнѣ. Та строго пояснила:

— Въ комодъ спрятала. Потомъ поѣзди. Святые дни, лампады горятъ, а у него надъ кроватю голая баба!

— Диана, Марья Саввишна Богиня-Дiana.

— Тоже сказать — богиня. Срамъ та одна. Долго мы смигались.

— Славная старуха; у нея все равнно, что дома.

Вечеромъ, послѣ приборки Марья Саввишна пришла къ намъ и сказала:

— Возмущаетъ меня ваше поведеніе.

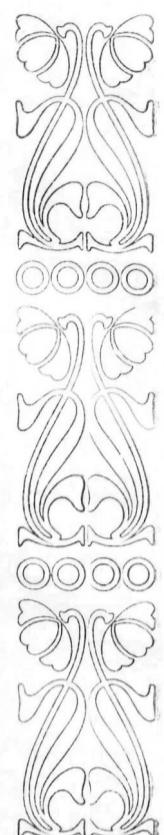
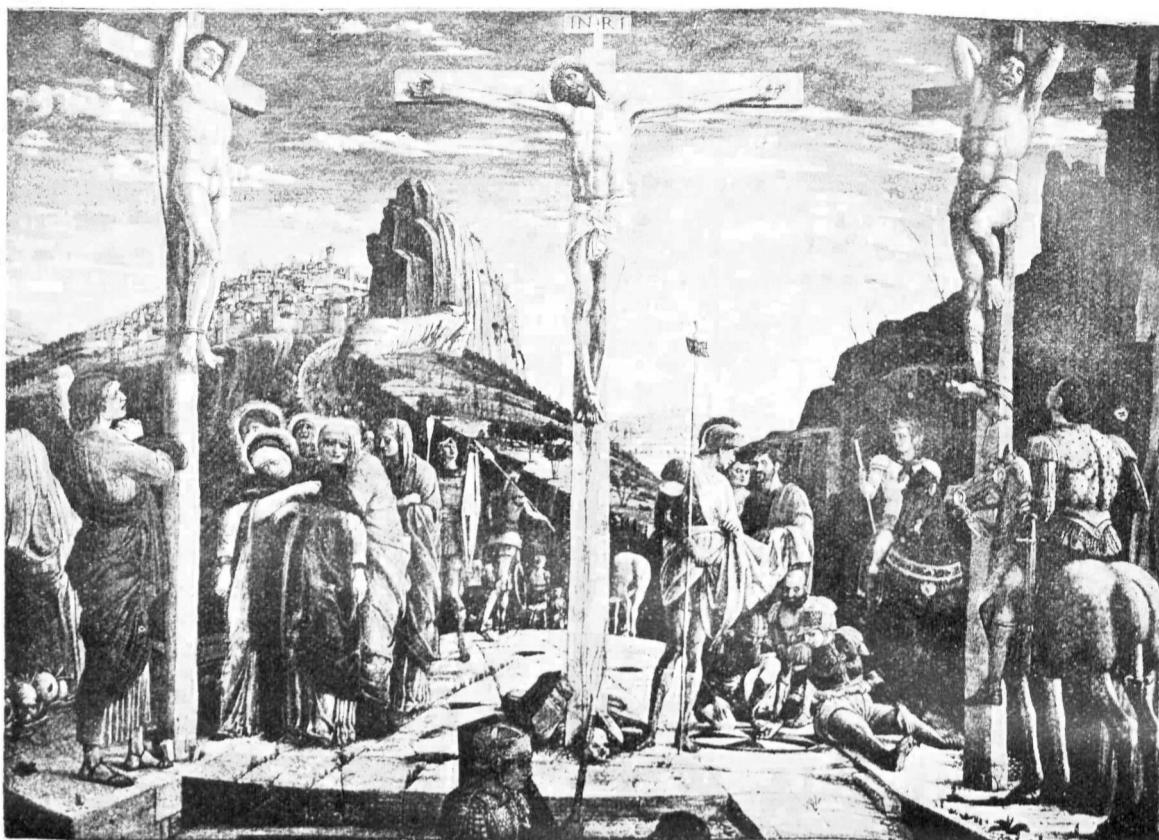
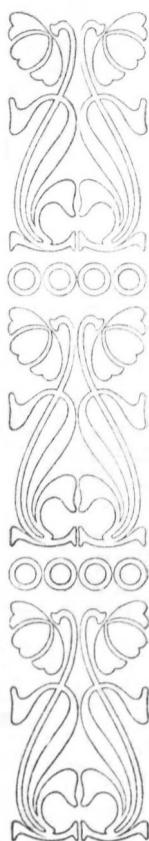
— Ну вотъ, — надула щеки Пономаревъ. — Мы, какъ овечки, отъ книги не отходимъ. Что вы это, Марья Саввишна!

— Книги книгами. Сорванцы! А въ банѣ вы были?

— Такъ я и знала. У меня къ празднику каждая чашка помыта, каждый подсвѣчникъ блеститъ. А вы грѣсти Господи, какъ чухонцы. Подымайтесь. Я бѣлье соберу.

— Да ужъ завтра, лѣнившіяся Пономаревъ.

— Знаю я это завтра. Одѣвайтесь.

Голгоѳа.

Карт. Андреа Мантеня.

А то и самовара не дамъ. Идите къ Федотову, тутъ близко.

Собрала бѣлье,—каждому свой узелокъ.

Вернулись,—тотчасъ намъ самоваръ. Всѣдъ за самоваромъ и сама Марья Саввишна. Съ важностью, точно выполняла какое-то государственное дѣло, потрогала она наши волосы и довольно произнесла:

— Хорошо. Только не вздумайте тепетъ открыть. Лучше всего, чаю въ постель. Подезно.

Пономаревъ мгновенно согласился съ этимъ указаниемъ.

Особенно помнится мнѣ самый праздникъ, страстная суббота.

Длго бродили мы съ Пономаревымъ по улицамъ, но это не развлечало. Въ большомъ городѣ особенно чувствуется одиночество и затерянность. Весенній воздухъ томилъ, и рождались мечты о чёмъ то далекомъ и красивомъ.

— Хорошо сейчасъ дома,—жалобился Пономаревъ.—Къ намъ Лизочка, конечно, пришла, вмѣстѣ съ сестрой пойдутъ къ заутренѣ. Такъ и вижу Лизочку! Розовенькая, золотые волосы, а голосокъ такой звонкій, такой радостный... Милая Лизочка...

Вернувшись домой, Настюшка уже принесла освященную пасху, а Марью Саввишны еще нѣтъ.

Окрыли мы окно и смотрѣли на городѣ. Прямо передъ нами какоюто нелѣпой громадой торчали узкій шестиглавый домъ, внизу четыреугольники дворовъ, дальше темныя, едва различаемыя очертанія безконечныхъ построекъ. Цѣлое море крышъ и трубъ. Кое-гдѣ блѣдныя пятна электрическихъ фонарей.

Праздники выходили у насъ со-

всѣмъ неудалыми. Почти всѣ деньги изъ дома пошли на старыя нужды.

— Чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ Пономаревъ.—Колбаса да французская булка. А мать такія вкусныя пасхи печеть. Восторгъ! Съ ванилью. Нѣжныя.

— Взгрустнули?

Прозѣчкалъ вдругъ совсѣмъ ласковый вопросъ.

На персѣ Марья Саввишна, праздничная, нарядная, съ свѣтлой наколкой на волосахъ.

— Да, домой не пришлось поѣхать,

— Ну, ну, ничего. Думаете—я васъ забыла? Эхъ, вы, сорванцы! Ну, Христосъ воскресъ!

И что тае случилось съ старухой?

Посчредно обняла насть, ласковая, нѣжная, поцѣловала, погладила волосы и шептала что-то неразборчивое, но такое хорошее, рѣдчое, домашнее.

— О комъ же мнѣ и позаботиться? Глупые вы, дѣтки. Я и спѣшила. Думала—лягутъ мы си сорванцы, не разговѣвшись. Знаю, что одни, знаю. Ну, пойдемъ ко мнѣ.

Отъ висячей лампы широкій и веселый кругъ на бѣломъ столѣ. Пасхи, пестряя горки яицъ среди нѣжной тоненькой зелени.

Хорошимъ и нѣжнымъ посвѣяло въ душу.

Старуха перекрестилась и разрѣзала пасху.

— Садитесь же. Я, вѣдь, тоже одна. Былъ сынъ и умръ. Большой сынъ. Всѣ глаза проплакала. Берите яица. Видите, какъ раскрашены. Это у меня особый составъ.

Пономаревъ всталъ и поцѣловалъ старухину руку.

Фениксъ.

* *

Я съ сценѣ мечталъ, какъ въ эту ночь святую,

Еродя по улицамъ, средь тысячи головъ

Я стышу ее, голевку золотую,

Скажу „Христосъ воскресъ“ и нѣжно поцѣпу

При крѣскомъ, свѣтѣ звѣздѣ, подъ гулъ колоколовъ.

И сердце радостно и сладко замиralо

Отъ юношескихъ грезъ, отъ лучезарныхъ сновъ...

Но встѣ и ночь пришла, все вдругъ заликовало,

А я брошу сдинъ печально и устало

При крѣкомъ свѣтѣ звѣздѣ, подъ гулъ колоколовъ.

И чуя, какъ звучатъ въ аллѣ послушонскіи

Знакомые шаги и шшотъ страстныхъ словъ,

Всю скорбь души своей обиженней, влюбленной,

Я псовѣрю исчи благовонной

При крѣкомъ свѣтѣ звѣздѣ, подъ гулъ колоколовъ.

Ф. М.

